

РЕЦЕПЦИЯ БАХТИНСКОЙ МЫСЛИ В «ИТАЛЬЯНСКОЙ ТЕОРИИ»

УДК 141

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-30-38>

Н. Н. Тинус

Школа философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
e-mail: tiinusnn@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рецепции наследия М. М. Бахтина в автономистской «итальянской теории» (А. Негри, П. Вирно, М. Лаззарато, Ф. Берарди и др.). Автор анализирует резонанс между бахтинской и автономистской мыслью, показывая, как основные литературоведческие, лингвистические, эстетические категории, разработанные Бахтиным, были спроецированы в область политической теории, оказавшись инструментом критического осмысления современного постфордистского капитализма. Литературоведческие сочинения Бахтина неявно несут в себе особого рода «трансгрессивную онтологию», которая оспаривает традицию классической метафизики, тем самым подрывая основы неолиберального типа мышления. Кроме того, революционная интерпретация бахтинского учения, состоявшаяся в рамках «итальянской теории», детализируется в ее наиболее значимых частных аспектах, таких как проблема авторства и природа высказывания.

Ключевые слова: итальянский автономизм, постфордизм, Бахтин, трансгрессивная онтология, теория высказывания.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Для цитирования: Тинус Н.Н. Рецепция бахтинской мысли в «итальянской теории» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 30-38. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-30-38>

RECEPTION OF BAKHTIN'S THOUGHT IN "ITALIAN THEORY"

Nikita N. Tinus

HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066, Moscow, Russian Federation
e-mail: tiinusnn@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the reception of M.M. Bakhtin's heritage in the autonomist "Italian theory" (A. Negri, P. Virno, M. Lazzarato, F. Berardi and others). The author analyzes the cohesion between Bakhtin's and autonomist thought, showing how the main literary, linguistic, and aesthetic categories developed

ТИНУС НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ – научный сотрудник Школы философии и культурологии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ТИНУС НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ – research fellow at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066, Moscow, Russian Federation

© Тинус Н. Н., 2022

by Bakhtin were transferred to the field of political theory becoming a tool for critical reflection on modern post-Fordist capitalism. Bakhtin's literary writings implicitly implies a kind of "transgressive ontology" that challenges the tradition of classical metaphysics, thereby undermining the foundations of the neoliberal type of thinking. In addition, the revolutionary interpretation of Bakhtin's approach, which took place within the framework of the "Italian theory", is manifested in its most significant particular aspects, such as the problem of authorship and the nature of the utterance.

Keywords: Italian autonomism, Post-Fordism, Bakhtin, transgression ontology, theory of the utterance

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

For citation: Tinus N.N. Reception of Bakhtin's Thought in "Italian Theory". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 30-38. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-30-38>

Введение

Крупнейшие идеи редко удерживаются в дисциплинарных границах. Мы хорошо знаем, что бахтинская мысль приобрела влияние далеко за пределами литературоведения, теории культуры и искусства. Сегодня наследие М. М. Бахтина и его ближайших коллег (В. Волошинова, П. Медведева) также широко осваивается в рамках социальных, этнографических и психологических исследований [7, с. 30]. Менее заметной областью, также отмеченной этим влиянием, оказывается политическая философия, особенно в ее левой перспективе критического анализа современности. Так, в частности, можно заметить, что корпус сочинений Бахтина и его круга часто является предметом цитирования среди представителей так называемой «итальянской теории». Выросшая из наполненных волнениями 60–70-х, из дискуссий и практик операистского движения итальянская автономистская теория (Т. Негри, П. Вирно, Ф. Берарди, М. Лаззарато и др.) вышла за рамки локального значения и стала международно популярным интеллектуальным течением, так как сумела предложить оригинальный и убедительный анализ современной логики развития капитализма (и возможных способов борьбы с его опасными тенденциями). Как мы попытаемся показать в этой статье, итальянская радикальная теория обращается к Бахтину как к проводнику некоторого подрывного

смысла, как к орудию понимания и разоблачения современности.

Итак, уже в начале 70-х стали очевидны глубокие перемены в устройстве общества на всех уровнях. В первую очередь это было связано с тем, что фордистская система на глобальном Севере оказалась в кризисе, среди причин которого были как вполне закономерные внутренние экономические факторы (падение нормы прибыли, перепроизводство, растущая автоматизация и т. д.), так и внешние – протест и сопротивление эксплуатации со стороны индустриальных рабочих (поддерживаемых в Италии операистскими интеллектуалами). Если фордизм покоился на извлечении прибыли из силы дисциплинированных тел, то в новой социально-экономической системе главным ресурсом стали коммуникативные навыки, язык и ум. Очередной кризис в конце нулевых не только не изменил, а скорее усугубил процесс вовлечения самих когнитивных и социальных способностей в производство стоимости. Как писал Франко Берарди в 2009 году, «промышленная эксплуатация распространяется на тела, мускульные усилия, ручной труд людей. [...] Однако если мы перенесёмся из области промышленного производства в область производства цифровых устройств, мы обнаружим, что эксплуатация осуществляется главным образом через тот поток знаков, который в состоянии испустить человек на протяжении рабочего дня. Цифровое производство сводится главным

образом к «эманации» потока «товар – душа» [5, с. 15].

Эти, в общем-то, довольно известные тезисы обеспечили новому духу капитализма различные громкие прозвища – «семиокапитализм», «когнитивный капитализм», «коммуникативный капитализм» и так далее. Так или иначе, почти все согласны с тем, что новые постфордистские режимы эксплуатации проникают в самую суть нашего Я, захватывают и определяют нашу субъективность. В связи с этим итальянские автономисты смахнули пыль с понятия «общественный интеллект» (General Intellect), который, по Марксу, выступает в роли «непосредственной производительной силы» и определяющего условия «самого общественного жизненного процесса» [9, с. 126]. Причем, если с одной стороны, очевидна культивация и обеспечение условий для его развития¹, так как general intellect продуктивен, то с другой стороны – предпринимаются усилия по его всестороннему контролю. Эта тема – разоблачение стратегий неолиберального контроля общего интеллекта и его прямых выразителей, реальных субъектов живого труда – одна из главных задач, решаемых в рамках Italian Theory.

Концепция индивида и трансгрессия: бытие как Событие

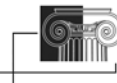
В этом свете первым пунктом, требующим пересмотра, оказывается понятие индивида. Отправной точкой неолиберальной идеологии является концепция суверенного индивида, понятого как своего рода самоочевидная «солипсическая частица», требующая присутствия трансцендентной инстанции, упорядочивающей ее внешние связи. Такого типа метафизика имеет длинные корни в философской традиции (Гоббс, Руссо, Ге-

¹ В связи с чем некоторые мыслители, такие как П. Вирно, развивают спорную и провокативную идею «коммунизма капитала», согласно которой сегодня сам капитал реально создает коммунизм, культивируя кооперацию и интеллект, осталось лишь поспособствовать рушению старых институтов экономической эксплуатации.

гель и далее) [8]. Однако сегодня верно другое. В настоящих условиях фундаментом социальной онтологии становится «доиндивидуальное» – разделяемые родовые способности вида, то есть перцептивные способности, языковые компетенции и исторически оформленный общий интеллект. Соответственно, под индивидом следует понимать уникальный результат актуализации доиндивидуального, из которого возникает каждое отдельное существо. Именно доиндивидуальное – этот общий субстрат, чистая потенциальность – является отправной точкой современной социальной онтологии, а частный индивид, в свою очередь, является уникальным результатом ее актуализации². Таким образом, отношения, сформулированные в либеральной традиции и ставшие основой социального воображения, переворачиваются. Необходимость этого переворота, с точки зрения политической теории, заключается в том, что только обратная оптика, во-первых, помогает увидеть реальные истоки продуктивности в постфордистской системе производства, и, во-вторых, позволяет обрести революционную перспективу, приближает к пониманию автономии труда, который больше не нуждается в трансцендентной организующей инстанции и может свободно ее отбросить. Производство, все больше совпадающее с процессом коммуникации и с обращением знаний, реализуется на основе того общего, которому причастны участвующие в этом процессе индивиды, осмысленные как уникальные и открытые пересечения подвижных отношений, а не как закрытые монады, упорядочиваемые некоей внеположной им самим силой. В этом смысле капитал все также нуждается в работнике, в то время как сам работник все меньше нуждается в руководстве со стороны капитала.

Для того, чтобы обосновать это видение, итальянская теория привлекает идеи мыслите-

² Причем результат всегда относительный, любой индивид всегда несет в себе конфликт между потенциальным (доиндивидуальным) и актуальным. Более того, этот конфликт во многом формирует индивидуальную психику.

лей (субверсивные, как в научном, так и в политическом отношении), которые в той или иной мере поддерживали соответствующую реляционную онтологию индивида (Б. Спиноза, Л. Выготский, Ж. Симондон, Ж. Делёз и др. [10]). То же касается М. Бахтина; и здесь нас интересует, как именно элементы наследия Бахтина и его круга были инкорпорированы итальянским автономизмом. В Италии труды Бахтина получили распространение в 1970-х, сначала в академических кругах, а потом и в операистской среде. Подъем структурализма определил рост интереса к русскому формализму, который первоначально был воспринят на Западе как особая вариация «советского структурализма». Благодаря этому на европейской интеллектуальной орбите оказалось имя Бахтина, хоть очень скоро стало ясно, что бахтинское учение сильно отличается от формализма (в том числе основательно критикует формальный метод). Однако не просто выдающееся, а действительно революционное значение идей русского мыслителя раньше всех было отмечено именно в Италии несистемными радикальными левыми. Так, уже в 1982 г. выходит выпуск операистского журнала «Corrispondenza Internazionale», во многом посвященный Бахтину, и в дальнейшем мы видим, как левая итальянская мысль то и дело апеллировала к бахтинской мысли. Его взгляды поддерживали именно ту перспективу, в которой были заинтересованы операисты, столкнувшись с новой социально-экономической реальностью трансформирующегося капитализма, перспективу взгляда на природу социального, на антропологию и, наконец, на сам процесс антропогенеза – формирование конкретного «Я».

В черновиках начала 70-х Бахтин делает «антропологические заметки», в которых высказывается так: «Все, до меня касающееся, приходит в мое сознание, начиная с моего имени, из внешнего мира через уста других (матери и т. п.), с их интонацией, в их эмоционально-ценностной тональности. Я осознаю себя первоначально через других: от них я получаю слова, формы, тональность

для формирования первоначального представления о себе самом. [...] Как тело формируется первоначально материнском лоне (теле), так и сознание человека пробуждается, окутанное чужим сознанием» [2, с. 397]. Рождение индивида предстает у Бахтина как последствие диалога, постепенное нащупывание дистанции с Другим в ходе напряженного обмена, который никогда не прекращается. Конкретизируя себя в диалоге, устанавливая отношения, индивид находит свое место в бытии. Собственно, сами отношения играют в бахтинской онтологии первичную роль: самое «Я» понимается как ансамбль динамичных и разнородных связей, объединяемых, главным образом, своим пространственно-временным расположением. Таким образом, каждый индивид сам по себе суть гетерогенное множество, а никак не самотождественное единство. Как сам индивид является моментом в бесконечной сети множественных отношений, так и Другой открывается Я как способ вернуться к неограниченной сфере общего: «Неисчерпаемость второго сознания, т. е. сознания понимающего и отвечающего: в нем потенциальная бесконечность ответов, языков, кодов. Бесконечность против бесконечности» [2, с. 395].

Онтология, лежащая в фундаменте бахтинского учения, как нетрудно понять, противостоит классической метафизической традиции; «философия Бахтина вписывается в контекст онтологических поисков неклассической философской мысли – от Ницше до Делёза» [11, с. 145]. Непрерывное становление (бытие как Событие) вместо завершенности, реляционность вместо абсолюта, имманентность вместо трансцендентного, горизонтальные отношения взамен иерархии. В связи с этим в ряде исследований Бахтин рассматривается как философ трансгрессивного [11]. Трансгрессия – размывание и смещение границ, взаимное пересечение и наложение друг на друга в бытии, описанном в терминах становления и множественности. «Твердые и официальные границы между вещами начинают смещаться и стираться»

[3, с. 464]. Онтологический принцип трансгрессивности эксплицируется Бахтиным в его главных концептуальных разработках карнавала, полифонии, гротеска, смеха и т. д. Все они отражают трансгрессию в культурно-историческом или эстетическом измерении, разрушая серьезность и устойчивость единой вертикальной структуры трансцендентной метафизики [11]. Говоря о человеке, следует также упомянуть тему тела, которой у Бахтина уделяется много внимания. Тело постоянно выходит за свои границы, трансформирует себя и среду в процессах роста, питания, испражнения, размножения и разложения. «Неготовое и открытое тело это (умирающее – рождающее – рождаемое) не отделено от мира четкими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)», – пишет Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [3, с. 34].

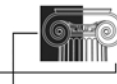
Возвращаясь к итальянской теории, нужно теперь уже заключить, что основные составляющие бахтинской трансгрессивной онтологии были ею усвоены. Так, у Тони Негри в его программной статье о множестве мы читаем почти что бахтинские строки: «Когда мы обращаем внимание на тела, мы понимаем, что мы не просто сталкиваемся с множеством тел, но и что каждое тело есть множество. В точках пересечения множества, где скрещивается множество с множеством, тела смешиваются, пересекаются, скрещиваются и преобразуются; они подобны морским волнам в их вечном движении и постоянной взаимной трансформации. Метафизика индивидуальности (и/или личности) представляет собой жуткую мистификацию множества тел. У тела нет никакой возможности пребывать в одиночестве. (...) Трансцендентность – это ключ к любой метафизике индивидуальности, а также к любой метафизике суверенитета. С позиции тела, напротив, нет ничего, кроме отношения и процесса» [8, с. 212–213]. Негри не дает прямой ссылки на русского мыслителя,

хотя влияние Бахтина здесь вполне очевидно: «Гаргантюа и Пантагрюэль оказываются знаковыми титанами, крайними фигурами свободы и открытий: они проходят сквозь революцию и предлагают нам титаническую задачу – стать свободными. [...] Нам нужен новый Рабле или, вернее, много новых Рабле» [8, с. 211].

Концепция автора и природа высказывания

Образ воплощения в определенных категориях воплощается в соответствующим образом организованном общественном устройстве. Народ, суверен, собственник – все эти основополагающие понятия глубоко фундированы в старой традиции трансцендентальной метафизики. Итальянская теория стремится разоблачить эту метафизику, попутно предложив альтернативную философскую основу и новые, более релевантные современным культурным и социо-экономическим обстоятельствам, понятия. Это абсолютно необходимо, ведь одного политического сопротивления недостаточно, потому как механизмы эксплуатации, поддерживающие статус-кво, заключены не столько во внешнем насилии, а, как пишет Бифо, «впаяны в те патогенные ритуурнели, которые совершенно наводнили коллективное бессознательное» [5, с. 193].

Может показаться, что намерения самого Бахтина очень далеки от подрывных задач итальянской теории. Однако вполне вероятно, что русский философ отнесся бы к таким задачам с симпатией. Хорошим способом показать это, полагает Майкл Гардинер (бахтиновед, написавший, вероятно, единственную пока работу, напрямую посвященную рецепции Бахтина в итальянском автономизме), было бы обращение к бахтинской позиции в отношении авторства [12, с. 904]. Любое творчество, с точки зрения Бахтина, реализуется как «событие встречи», а значит не может быть признано чьей бы то ни было личной собственностью. Творчество, именно как творчество на границе между субъектами, проистекает из духа эпохи – из самой многоплановой, аго-

нистической и размытой действительности капиталистического общества [2, с. 26, 36]. По ходу исследования полифонизма в прозе Достоевского Бахтин сосредоточивает усилия на том, чтобы избавиться от диктатуры авторского взгляда как инстанции, монополизирующей смысл. Полифонический роман Достоевского в этом смысле предвосхищает философию события своим переворотом в эстетике. По большому счету, единый автор становится больше невозможен, он невыносим без соавтора, даже если это голос во внутреннем диалоге, говорящий за Другого. «Все сказанное, выраженное находится вне «души» говорящего, не принадлежит только ему», – пишет Бахтин [4, с. 317]. Сказанное – это драма, которая разворачивается вне автора, и ее «недопустимо интроицировать (интроекция) внутрь автора» [4, с. 317].

Маурицио Лаззарато, один из крупнейших представителей итальянской теории, который часто напрямую отсылает к Бахтину в своих построениях, делает следующий вывод: бахтинская концепция автора на онтологическом уровне отрицает возможность прав интеллектуальной собственности [13]. В таком случае, если мы вернемся к рассмотрению постфордистской системы производства, в структуре которой интеллектуальный и коммуникативный труд занимает центральное место, то как теперь определить его стоимость, если такой труд – достижение общего? Тони Негри полагает, что измерить его невозможно: «Если определить этот исторический сдвиг как (онтологически) эпохальный, то критерии меры, принятые в ту или иную эпоху, будут радикальным образом поставлены под вопрос. Сегодня мы являемся свидетелями этого сдвига, и не ясно, предлагаются ли нам вообще новые диспозитивы и критерии меры» [8, с. 209]. Сегодня мы зачастую имеем дело с эксплуатацией самой кооперации, которая больше не определяется законом стоимости, а только чистым произволом.

Возвращаясь к современному режиму производства, который, согласно итальянской теории, основан на извлечении прибы-

ли из коммуникации, мы должны затронуть не только вопрос авторства, но и вопрос о самой природе языкового общения. Для Бахтина основной единицей речевого общения является высказывание, противопоставляемое предложению – базовому понятию в лингвистике. Бахтин настаивает на разграничении «системы языка» и речи. Слова и предложения, исследуемые языкознанием, представляют собой только абстрактные технические средства общения (потенциальную возможность речи), тогда как конкретное высказывание (актуализирующее языковую возможность) всегда включает в себя ряд нелингвистических аспектов: оно также активизирует аффективные, социальные и этико-политические факторы. В этом смысле высказывание представляет собой точку соприкосновения языка и жизни. Высказывание всегда встроено в определенный контекст, являясь звеном «в очень сложно организованной цепи других высказываний» [1, с. 170]. Оно одновременно является ответом и рассчитывает на ответ, задавая положение говорящего в действительности; высказывание создает отношения вражды или дружбы, презрения или восхищения, отторжения или участия и т. д. Адресат при этом играет активную роль, само его присутствие во многом организует ориентацию на ответное понимание и отклик.

Здесь мы снова входим в сферу политического, поскольку конкретное высказывание – это всегда этико-политический акт, так как он направлен на достижение согласия или провоцирует несогласие. В этом плане Лаззарато сравнивает бахтинскую теорию высказывания с концепцией власти у М. Фуко: «высказывание представляет собой «микropolitику» и/или «микрофизику» отношений между говорящими. Произношение не производится в соответствии с лингвистической моделью через активный речевой процесс говорящего и пассивные процессы восприятия и понимания слушающего. [...] Как и в поздней теории Фуко об отношениях власти, Другой является «активным» и «свободным». В случае высказывания Другой устанавливает его динамику

и ориентирует его актуализацию» [14, с. 181]. В этом же тексте Лаззарато, опираясь на бахтинский диалогизм высказывания, критикует теорию Дж. Остина и его концепт перформатива, а также – новейшие «критические» версии перформативной теории (Дж. Батлер, С. Жижек).

Еще одной, важной в этом плане, инновацией Бахтина стало открытие речевых жанров – «относительно устойчивых типов» высказываний, соответствующих определенным сферам своего применения, которые осваиваются, как и язык, каждым из нас. При этом фамильярные и интимные жанры, предполагающие отсутствие иерархии и специфическую откровенность, стимулируют творчество в отличие от объективно-нейтральных или «официальных» жанров. Более того, благодаря своей продуктивной открытости фамильярные жанры являются одним из важных факторов общественных трансформаций. Так, в эпоху Ренессанса они послужили разрушению старой картины мира, как это было показано Бахтиным, в частности, на примере творчества Франсуа Рабле.

Итак, каким образом этот анализ может быть применен к сегодняшней картине мира и в нынешней ситуации? Можно сказать, что производство стремится к инкорпорированию продуктивных речевых жанров, не подчеркивая, а всячески скрывая иерархии и подчинение в организации общения на рабочем месте (хотя понятно, что в действительности иерархия определяются тем, кто извлекает конечную прибыль). Но дело даже не в этом. Если коммуникативный труд несет в себе черты политического действия, является виртуозным, то каким образом он становится образцом современного производства? П. Вирно предлагает гипотезу, согласно которой исключительную роль в этом сыграла культурная индустрия, именно она стала новой индустрией средств производства. Традиционно ею являлась «такая промышленность, которая производит машины и другие инструменты, употребляемые потом в различных производственных секторах. [...] В ситуации, когда инструменты

изготовления не сводятся к машинам, но состоят в лингвистическо-познавательных способностях, неотделимых от живого труда, резонно предположить, что значительная часть так называемых средств производства заключается в технике и процедурах коммуникации» [6, с. 55–56]. В таком случае можно допустить, что культурная индустрия занята оттачиванием речевых жанров, «реакцентуацией», в терминах Бахтина, с целью повысить продуктивность труда и приспособить творческие возможности высказывания под соответствующие цели. Вирно заключает: «Нет никого несчастнее того, кто обнаруживает, что его отношения с другими людьми, иначе говоря, его способность к общению, его владение языком, оказываются сведенными к наемному труду» [6, с. 59]. Возможно, в этом заключается крупнейшая трудность и противоречие современного этапа развития капиталистических отношений.

Заключение

Итак, можно с уверенностью утверждать, что идеи М. Бахтина оказали существенное влияние на «итальянскую теорию». В своем анализе нового духа капитализма, автономисты опираются на социальную онтологию и понятие индивида, сформулированные в работах Бахтина. Бахтинская трансгрессивная «онтология», подчеркивающая становление, относительность и множественность в бытии, резонирует с другими источниками операистской мысли (в первую очередь, с такими, как французский Спинозизм, теории Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж. Симондона). Кроме того, онтология Бахтина, имплицитно содержащаяся в его литературоведческих сочинениях, напрямую противостоит классической метафизической традиции, ответственной за неолиберальную парадигму мышления. Это помогает «итальянской теории» решать свою основную политическую задачу – вскрывать логику капиталистических отношений и разоблачать стратегии контроля человеческой продуктивности, для того чтобы обрести революционную перспективу будущего. Бахтин

в этом смысле, с точки зрения постопераизма, опередил свое время. Если учесть, что основные идеи Бахтина оформились еще в 20-е годы, то его учение выглядит почти пророческим, предвосхитив тенденции развития современного общества и гуманитарного знания о нем.

Итальянские теоретики видят в М. Бахтине по-настоящему радикального мыслителя. Хотя такая перспектива может показаться исторически и биографически спорной, она доказывается на примере бахтинской кон-

цепции авторства, отрицающей саму возможность присвоения произведения, а также теории высказывания, в рамках которой речевой акт переосмысливается как (микро)политическое событие в духе М. Фуко. Несмотря на то, что описанная ветвь рецепции идей русского мыслителя дискуссионна и даже провокативна, в то же время ей сложно отказать в оригинальности. Она подчеркивает новые грани работы Бахтина, ее неисчерпаемый потенциал для исследования современной социокультурной ситуации и самой жизни.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. Т. 5. Москва: «Русские словари», 1997. 557 с.
2. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Собрание сочинений. Т. 6. Москва: «Русские словари», 2002. 570 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
5. Берарди Ф. Душа за работой: от отчуждения к автономии. Москва: Издательство «Грюндриссе», 2019. 320 с.
6. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. Москва: Ад Маргинем, 2015. 144 с.
7. Гаспарян Д. Э. Теория «диалогического Я» и рецепция идей М. Бахтина в западных теориях сознания // Наука. Искусство. Культура. 2021. №3 (31). С. 30-48.
8. Негри А. К онтологическому определению множества // Свободная мысль. 2018. № 4. С. 208-217.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Сочинения. Т. 46. Ч. II. Москва: Политиздат, 1969. 245 с.
10. Тинус Н. Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // Полития. 2021. № 1(100). С. 44-59.
11. Фаритов В. Т. Философские аспекты творчества М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140-149.
12. Gardiner M. Bakhtin and the „General Intellect“. *Educational Philosophy and Theory*. 2017. vol. 49, no. 9. P. 893-908.
13. Lazzarato M. *Dialogism and Polyphony*. Available at: <https://www.geocities.ws/immateriallabour/lazzarato-dialogism-and-polyphony.html>
14. Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Los Angeles, Semiotext (e), 2014. 279 p.

References

1. Bakhtin M. The Problem of Speech Genres. In: *Collected works*. Vol. 5. Moscow, Publishing House “Russkie slovari”, 1997. 557 p. (In Russ.)

2. Bakhtin M. Working notes of the 60s - early 70s. In: *Collected works*. Vol. 6. Moscow, Publishing House “Russkie slovari”, 2002. 570 p. (In Russ.)
3. Bakhtin M. *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow, Publishing House “Hudozestvennaya literatura”, 1990. 543 p. (In Russ.)
4. Bakhtin M. *Aesthetics of Verbal Art*. Moscow, Publishing House “Iskusstvo”, 1986. 445 p. (In Russ.)
5. Berardi F. *The Soul at Work: From Alienation to Autonomy*. Moscow, Publishing House “Grundrisse”, 2019. 320 p. (In Russ.)
6. Virno P. *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. Moscow, Publishing House “Ad Marginem”, 2015. 320 p. (In Russ.)
7. Gasparyan D. Theory of the «Dialogical Self» and reception of M. Bakhtin’s ideas in western Theories of Consciousness. *The science. Art. Culture*. 2021. No.3 (31). P. 30-48. (In Russ.)
8. Marx K., Engels F. Economic Manuscripts 1857-1859. In: *Works*. Vol. 46. Part. II. Moscow, Publishing House “Politizdat”, 1969. 245 p. (In Russ.)
9. Negri A. Towards an Ontological Definition of Multitude. *Free Thought*. 2018. Vol. 4. P. 208-217. (In Russ.)
10. Tinus N. Process and Relation: origins of the autonomist theory of individuation. *Politeia*. 2021. Vol. 1(100). P. 44-59. (In Russ.)
11. Faritov V.T. The Philosophical Aspects of the Work of M. Bakhtin: Transgression Ontology. *Problems of philosophy*. 2016. Vol. 12. P. 140-149. (In Russ.)
12. Gardiner M. Bakhtin and the „General Intellect“. *Educational Philosophy and Theory*. 2017. vol. 49, no. 9. P. 893–908.
13. Lazzarato M. *Dialogism and Polyphony*. Available at: <https://www.geocities.ws/immateriallabour/lazzarato-dialogism-and-polyphony.html>
14. Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Los Angeles, Semiotext (e), 2014. 279 p.

*

Поступила в редакцию 21.06.2022